

CULTUROLOGY

Murzina I.Y., Lyubimtsev I.A.

"WOMEN" SYMBOLIC IN THE PEASANT HOUSE THREAD IN THE URALS

Murzina Irina Y., Professor. Doctor of Cultural Studies, Head of
the department of "Culturology", USPU, Russia

Lyubimtsev Igor A., assistant professor Department. Architecture
UrFU, Russia

Abstract

Lately, there are a lot of works devoted to regional issues of development of national traditions. The main base material for us is the Urals region. In this article, we tried to connect a chain of religious representations coming from the Paleolithic views, the beliefs of the Slavs in the pre-Christian period and as a result the rethought design of traditional habitation that has survived to this day. A special feature is also the allocation of female images of patrons, then the researchers consider in a large part simply a set of symbols, without grading on male and female images, while not emphasizing that this symbolism is used on spinning wheels, walls, utensils, etc. For us, the priority of images is relative to the image of symbols on the structural elements of the house, both on the facades and in the interior of the housing. The traditional dwelling, in both practical and symbolic aspects, embodies the model of the cosmos as the living space of the family, the family, the individual. The versatility of meanings is most easily represented in a symbolic solution, and if the correct combination of building elements gives strength and stability to the structure of the building, then a certain combination of symbols inscribes the dwelling into a stable picture of the world.

Keywords: Myth, dwelling, hut, prichelin, symbolism, solar cults, "Heavenly whores", Makosh.

Традиционное место проживания человека формировалось по принципу микрокосмоса. Английский Юрист XVII столетия Эдуард Кок оставивший в наследие потомка комментарии относительно

законодательства страны, так же снискал мировую славу выражением: «Мой дом – моя крепость». Под данным высказыванием принято считать, что дом является местом, где человек чувствует себя в полной безопасности, но крепость – является средством обеспечения физической безопасности, при этом душевная безопасность находится в поле влияния религиозных представлений и с позиций архаики на наш взгляд более правильный подход звучал бы так; «Мой дом – мой храм». Только вера была способна обезопасить душевное состояние человека. В традиционном жилище на Урале явно прослеживаются элементы мифологической картины мира. Миф представляет собой модель макрокосмоса и вписываемого в него микрокосма – человека. Традиционное жилище и в практическом, и в символическом аспекте воплощает в себе эти же отношения. Мифологическая символика, использовавшаяся в качестве декора, должна была, с одной стороны, закрепить символическое значение дома как центра, Космоса как жизненного пространства рода, семьи, отдельно взятого человека. С другой стороны, ряд смысловых знаков должен был указывать на специфические предпочтения каких-то определенных ценностей жизни владельца дома, которые, в свою очередь, были обусловлены практической жизнедеятельностью.

Символика отличается от простой совокупности знаков тем, что за ней скрывается объемное целостное смысловое поле. Любое сочетание этих обозначений в контексте культуры жилища является, по сути, инвариантом представлений о мироустройстве. Если правильное сочетание материальных элементов придает прочность и устойчивость конструкции здания, то определенное сочетание знаков вписывает жилище в устойчивую картину мира.

Набор магических условных обозначений которые использовались при оформлении место проживания семьи призван защищать условно закрытую территорию от действий злых духов. Первоочередное значение в защите места обитания семьи приобретали проходы, посредством которых агрессивные по отношению к людям духи могли проникнуть в помещение. Местами возможного проникновения являлись – кровельные узлы, светопроемы, дверные проемы, вентиляционные каналы (в данном случае – печные трубы). На Урале, как и в ряде районов европейской части России и Сибири, благожелательными для человека были такие языческие условные обозначения, как фигуры солнца, коней, оленя, птиц, растений. Наравне с ними была широко распространена декоративная геометрическая и растительная орнаментика.

Обычный двускатный фронтон жилого дома уподоблялся небесному своду. Об этом свидетельствуют детали декора, дошедшие до наших дней на типичных старых избах в Алапаевском, Верхотурском,

Лысьвенском, Соликамском, Чердынском, Чусовском, Шалинском районах. «Крыша осмыслялась не только как граница между верхом (небом) и низом (миром людей), но и между внешним и внутренним применительно к вертикальной плоскости. Покрытое – положительное, непокрытое – отрицательное. Крыша осмыслялась в числе женских элементов» [1].

Конструкция крыши создавала барьер между температурно-влажностным режимом помещения и температурной характеристикой места строительства. Поэтому не удивительно, что крыша, как конструктивный элемент призванный удерживать нагрузки и воздействия от дождя, снега, солнечной радиации т.е. идущую с неба будет защищена небесными защитными знаками солярной тематики. По торцам кровельных продольных бревен располагались защищающие их от физических воздействий косоугольного дождя и ветра – причелины, поэтому внешне причелины подчеркивали контур кровли и защищались от мира духов различного рода солярными защитными изображениями. Причелины могли на всякий случай формироваться в два-три ряда, при этом верхний ряд причелин зачастую имел волнистые очертания, а нижние – зубчатые (острые, закругленные). В старинных селах Чердынского уезда (Полча, Вильгорт, Искор, Комгорт, Губдор) зубчатые и городчатые ряды усложнялись за счет круглых сквозных отверстий. В Верхотурском, Красноуфимском, Пермском, Чердынском уездах, когда в начале XX века двускатные крыши стали заменяться четырехскатными (шатровыми), подобный орнамент переносился на доски карнизов. Такой декор существовал еще в древнеславянских поселениях. Он передавал изображение звезд и небесных запасов воды. «...картина мира древних земледельцев существенно отличалась от нашей тем, что они еще не знали механически образования облаков и туч от земных испарений и предполагали, что дождевая влага берется сверху, из каких-то небесных запасов воды, хранящихся на уровне «верхнего неба», находящегося над «средним небом», по которому движутся солнце и луна. Запасы воды на небе носили в древнерусском языке наименование «небесных хлябей» [2]. Защитные знаки в виде ряда зигзагов широко использовались человеком с периода верхнего палеолита - 12-25 тыс. лет тому назад. Его широко использовали как защитный элемент каменной кладки стеновых ограждений Дагестана, так и на керамике Европы и Западной Азии 2-3 тысячелетия до нашей эры. Некоторые исследователи считают, что зигзагообразный орнамент подобного рода имел производственное происхождение: рисунок вертикальных зигзагов мог имитировать отпечаток веревки, а рисунок горизонтальных зигзагов – передавать внешний вид плетенки. Однако есть множество примеров зигзаговой графемы, в которых она генетически не связана с производственной

технологией. Исследователи древней символики неоднократно отмечали, что пучок зигзагов обозначает воду.

«Семантика узоров новгородских причелин XI – XV вв. дает нам... привычную идеограмму воды в виде переплетающихся струй» [3]. Такой узор представляет собой графически выраженное моление о ливне для обеспечения урожая. Молитва, как неоднократное повторение, перешла в повторение раппортов. Следует различать символическое изображение влажных осадков и небесной влаги. Волнистые линии символизировали именно небесную влагу.

Полукруги с отверстием внутри сопоставляются с наполненной молоком женской грудью, суть которой – прокормить ребенка. В районах русского севера и на Урале также широко используют семантику женских грудей при возведении избы. Их связывают с представлением о небесных богинях – роженицах, позднее облачных девах, полногрудых жен, небесных нимфах [4], которые по представлениям наших предков занимавшихся земледелием, давали небесную влагу на поля из своих грудей.

На неолитических представлений характерно сочетание вертикальных линий и полуovalов. Последние явно означают не просто облака, а дождевые облака, так как маленькая точка посередине знака символизирует, скорее всего, каплю небесной влаги или зерно, орошаемое небесными водами. Наши предки также представляли себе дождевую тучу ситом и сеялкой, а дождевые капли – зерновым хлебом. Считалось, что боги весенних гроз действительно засевают землю разными злаками. «Поэтическое представление дождевых осадков хлебными семенами совпадает с уподоблением его плотскому семени» [5]. Мать-Земля, осеменная зернами и увлажненная животворящей влагой, вынашивала плод и начинала свои благодатные роды. Аналогичный знак встречается на карнизах изб.

«В археологии неолита встречаются обозначения, состоящие из вертикальных волнистых или прямых линий, исходящих из горизонтальной полосы» [6]. Это графема обозначает мощный поток небесной влаги. Осадки представлялся также слезами Богини. Ливень мог изображаться не только в виде горизонтальных, но и вертикальных линий или же волнообразных. Иногда полуovalы, обозначавшие дождевые облака трансформировались в треугольники. Зигзаги и вертикальные линии на причелинах и карнизах жилищ видимо также имели значение мощи небесных осадков.

На карнизах жилых домов конца XIX – начала XX веков села Вильгорт, Комгорт, Покча Чердынского уезда встречаются изображения косоугольного креста, а под ним в полукругах вырезано изображение сердца. Косой крест – достаточно известный орнаментальный мотив. Он является аллегорией основных географических направлений относительно

звездного неба – север, юг, восток и запад и относятся эти условные обозначения к небесной сфере. Косой крест для язычника являлся знаком Великой Богини, одной из функций которой была защита дома и домочадцев. Этот знак наносился на традиционном доме наших предков. Условный образ Великой Богини зачастую помещался туда, где позднее изображались водяные знаки. Вспомним, что именно Великая Богиня просила небо о дожде и урожае [7].

Значение облика богини имело, очевидно, и изображение женских бедер. Переходная форма подтверждает, что именно таково происхождение древней графемы, которая в наше время считается изображением сердца. Изображение его в полукруге также могло символизировать моление о небесной влаге.

Большое значение имела символическая структура солярных знаков. Небесно-водный ярус являлся частью идеи о мироздании у наших предков, которая проецировалась на структуру места их проживания. Доминирующее значение имело небесное движение солнца в пространстве. Таким образом расположение солярной символики ниже уровня относительно обозначения небесных вод, не имело противоречий относительно древних представлений о небесной структуре. «Зоной движения солнца было со времен энеолита среднее небо, находящееся ниже небесно-водного участка верхнего неба, расположенного за невидимой твердью» [8]. Орнаментальный мотив изображающий розетку с солнечными лучами зачастую использовался в нижней части наклонных досок защищающих торцы слег (бревен) от косога дождя и ветра. На месте соединения двух причелин в верхней части двускатной крыши закрывалось резной доской именуемой полотенцем.

В аграрных культурах имела прямая зависимость сельскохозяйственных работ от расположения солнца относительно земной поверхности, древние греки вводят в свой обиход понятие «Климатос», под которым подразумевали местонахождения солнца относительно поверхности земли, отмечая, чем выше в небе солнце, тем теплее.[9] Для упрощения структуры движения солнца по небосводу наши предки зачастую использовали три точки фиксации географического место расположения дома относительно ближайшей звезды – ключевые точки видимого светового времени суток–именуемыми у славян восходня (восход), пулдень (полдень) и заход (закат), примечательно, то, что под вышеупомянутой терминологией у западных славян до наших дней подразумеваются картографические направления, к примеру в польском языке восток – wschód, юг – południe, запад – zachód.[10]. Три точки фиксирующие движение солнца в пространстве утром в полдень и вечером отражались на фасаде избы и несли большое смысловое значение, об этом можно судить по комплексному подходу в расположении этих знаков в сочетании с другими условными

обозначениями земли, засеянного поля или воды. «Круглая форма солнца заставляла видеть в нем огненное колесо, кольцо или щит» [11]. Но сущность розетки как солярного символа далеко не так очевидна, как кажется. «Можно предположить, что на раннем этапе изображение круга могло символизировать небо, но на позднем этот символ переходит в символ Солнца» [12].

В культовых ритуалах архаики фигурировало горящее вращающееся колесо, судя по тому, что такой элемент зафиксирован в позднейших народных обрядах. Завихрение языков пламени, образующееся при вращении колеса, могло стать прообразом этого символического изображения. В России еще в XIX веке народные гуляния, сопровождавшие языческие празднества, содержали в себе следующие элементы: воздвижение столба с колесом наверху, спускание горящих колес и бочек с горы, использование кукол, изображавших чаще всего женщин. Существовала определенная смысловая связь между женским образом и колесом. Первоначально Богиня считалась владычицей Неба, символом которого выступало колесо. С изменением верований такая эмблема приобрела солярное значение, а знак горящего колеса. Помимо космических и зооморфных изображений в декоре крестьянского жилища используются и антропоморфные символы. Женская фигура изображалась на наличниках окон крестьянских изб Среднего Урала конца XIX – начала XX вв.

Образ Великой Богини, зародившийся еще в неолите глобален и бинарен. Она мать прародительница и в то же время пожирающая все живое. У славян эту богиню зовут Мокошь (Макошь). Это противопоставление двух образов отражается на символике наличников, где мы видим утрированное изображение Великой Богини с поднятыми руками вверх и перевернутую, идентичную ей богиню преисподней. Образ ее встречается не только на декоре жилища, но и на всех предметах, связанных с женским рукоделием.

При изучении семантики рукоделий нельзя обойти вниманием и некоторые предметы домашнего производства в плане их орнамента и форм. Валек, если верить Б.А. Рыбакову, представляет собой схематическое изображение женской фигуры с раскинутыми руками, голова которой украшена солнечной розеткой, и это изображение ученый соотносит с культом Мокошь [13]. Ее образ является одним из самых древних и сложных, в архаических представлениях восточных славян он является основным, отвечающим за наиболее важные стороны жизни человека: судьбу и рождение. С.А. Токарев пишет: «Очень интересно упоминание в русских источниках женского божества Мокошь. Это не только единственный женский образ, засвидетельствованный в древнем восточнославянском пантеоне, но и единственное божество, имя которого

сохранилось в народе до наших дней. Мокошь, видимо, была покровительницей женских работ, прядения и ткачества» [14].

Важное место в комплексе источников по образу Мокошь занимают данные, характеризующие уже измененные в народном сознании представления о богине плодородия и судьбы. Такими данными являются описания народных праздников и поверий восточных славян, в том числе, и касающиеся святой Параскевы Пятницы, которая после принятия христианства заменила имя древней Мокоши, оставив, впрочем, комплекс верований почти без изменений. В работах В.Н. Топорова была установлена несомненная генетическая преемственность Параскевы Пятницы и языческой Мокоши. «К Пятнице обращались с молитвами о дожде, она считалась покровительницей деторождения и в то же время госпожой умерших» [15].

Конечно же, украшая свой дом в конце XIX – начале XX вв. крестьянин не руководствовался мифологическими представлениями о структуре мира, а прочно следовал традиции украшения своего жилища, расставляя все символы в нужном порядке, опираясь на образцы своих предков. Этому также способствовало появление шаблонов для украшений, употребление которых приводило к однотипности украшений. Но в каждом традиционном жилище все равно оставалась видна индивидуальность и вкус заказчика.

References:

- [1] Bajburin A.K. Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah drevnih slavjan. M., 1983. S. 165.
- [2] Rybakov B.A. Jazychestvo Drevnej Rusi. M., 1982. S. 471.
- [3] Malickij V.G. Rus' izbjanaja. M., 1993. S. 98.
- [4] Afanas'ev A.N. Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu. V 3-h tt. M., 1994. T. 3. S. 119.
- [5] Afanas'ev A.N. Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu. T. 3. S. 571.
- [6] Golan A. Mif i simvol. M., 1993. S. 154.
- [7] Tam zhe. S. 118.
- [8] Golan A. Mif i simvol. S. 16.
- [9] Kuprijanov V.N. Fizika sredy i ograzhdajushhijh konstrukcij. M., 2016. Str. 7
- [10] Boguslavskij Andzhej Russko pol'skij slovar'. Varshava 1993g.
- [11] Stoljar A.D. Proishozhdenie izobrazitel'nogo iskusstva. M., 1989. S. 276.
- [12] Rybakov B.A. Jazychestvo drevnih slavjan. – S. 507.
- [13] Krinichnaja N.A. Russkaja mifologija: mir obrazov fol'klora. M., 2004. S. 486.
- [14] Tokarev S.A. Religija v istorii narodov mira. – M., 1976. – S. 208.

[15]Voloshina T.A., Astapov S.N. Jazycheskaja mifologija slavjan.
Rostov-na-Donu, 1996. S. 135.